На окраине Рима

Робертино Лоретти
рассказывает о себе

НЕ ВСЕМ ТАК везет... В Италии есть ютти, а может быть, и тысячи таких же подростков, которые зарабатывают на жизнь, напевая под аккомпанемент скрипки или мандолины популярные народные мотивы. Подойдет к столику в ресторане или трактире, где сидит публика побогаче, споет пару песенок и протянет руку. Если понравилось — заплатят, сунут несколько алюминиевых монет, а то отвернутся, словно бы ничего и не слышали. Монеты подросток принесет потом матери: хоть и немного, но все-таки помощь.

Этому же парнишке с черными вихрами, с большими карими глазами и открытым, смеющимся лицом чертовски повезло. Однажды в жаркий июльский вечер он пел на открытой эстраде бара. Среди посетителей был один иностранец, внимательнее других слушавший, как юный певец старательно выводил куплеты традиционных «Вернишь в Сорренто» и «Санта Лючия». Иностранца не обурывало чувство нинного восторга. Он думал о другом: из мальчишки может выйти толк, если его со знанием дела подать публике.

Когда мальчик кончил петь и сошел с подмостков, он подошел к нему и, похлопав по плечу, сказал:

— Bravo, джованотто. Давай познакомимся: меня зовут Вольмер Соренсен. Работаю на датском телевидении. Хочешь, чтобы тебя услышали в Дании?

Мальчик, конечно, хотел. Правда, певец мечтал об итальянском телевидении и итальянских слушателях, а не о соотечественниках этого сеньора. Но какая, в конце концов, разница, если речь идет о телевидении...

Вольмер Соренсен, как видно, был человеком дела и ничего не любил откладывать в долгий ящик. Он тут же назначил время, когда мальчик должен прийти в его гостиницу для пробной записи на магнитофонную пленку.

Скоро Вольмер Соренсен уехал в Данию. А через несколько дней пришла от него телеграмма с предложением приехать в Копен-

гаген и выступить по датскому телевидению. Этот день юный певец запомнил навсегда: от подмостков баров и прокуренных комнат ресторанов и трактиров к многомиллионной армии телезрителей — о такой молниеносной карьере ни он, ни его родители не смели и мечтать. Прошло еще несколько недель. В Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии люди услышали первые выступления 14-летнего подростка-итальянца, с подкупающей, чисто детской непосредственностью исполнявшего знакомые всему миру мелодии: «Солле мио», «Аве Мариа», «Санта Лючия» и многие другие. Звали молодого певца Робертино Лоретти.

Через некоторое время голос Робертино зазвучал в стране, где издавна относятся с благоволением и уважением к музыкальной культуре народа Италии, — в Советском Союзе.

Встреча Робертино с Вольмером Соренсеном состоялась в июле 1960 года, три с лишним года назад. Казалось бы, за это время эхо его известности за границей должно было достигнуть и до берегов Тибра. Но не тут-то было. Когда мы захотели встретиться и побеседовать с Робертино Лоретти, то столкнулись с неожиданными трудностями. Никто из знакомых итальянцев никогда не слышал о таком певце. Люди, которые хорошо знают итальянский артистический мир, удивленно пожимали плечами:

— Робертино? Лоретти? В Италии нет такого певца...

— Как же нег, если о нем знают в Москве и повсюду в Советском Союзе, и в других странах.

— Все равно, мы такого певца в Италии не слышали. Может быть, — добавляли некоторые, — это итальянский эмигрант, родившийся и выросший где-то за границей...

Нам помог случай. Сотрудник газеты «Унита» Винченцо Бианко, оказался, не только слышал о Робертино, но близко знает его и всю семью Лоретти, потому что живет с ними в одном доме.

И вот мы на дальней окраине Рима. С одной стороны дома — еще не убранная пыльная улица, застроенная одинаковыми и безликими, похожими, как две капли воды, зданиями, с другой — чистое поле, унылый пейзаж. Где-то далеко гудит, точно растревоженный улей, двухмиллионный город, а здесь сравнительно тихо и спокойно, словно ты оказался совсем в ином мире, куда не добрался «спрут» автомобильной цивилизации.

Первый этаж. Нас встречает Винченцо Бианко, который представляет нам трех молодых людей — двух парней лет 17—18 и такого же возраста девушку. Невысокий и смуглый подвижной юноша — это Робертино Лоретти, другой молодой человек — его старший брат, девушка — их подруга. На столе пачка писем — результат только одного визита почтальона, а в день он приходит несколько раз. Письма, а их около сорока, от друзей Лоретти в Советском Союзе. В день здесь бывает иногда больше сотни писем и открыток с лаконичным адресом: Италия, Робертино Лоретти. И письма, как ни странно, доходят до адресата.

Берем наугад некоторые из них, которые сам Робертино, между прочим, не может прочесть — по той простой причине, что не знает русского языка. Пишут Светлана Котельникова из Кустаяна, Фролова Галина из Коми АССР, Ефремова Людмила из Барнаула, Сигарева Наташа из Петропавловска-на-Камчатке, ученики девятого класса школы № 2 города Мытищ. Пишут о том же, о чем пишут десятки и сотни других юных поклонников таланта Робертино. Просят его прислать фотографию, спрашивают, когда он приедет в Москву...

Милые ребята! Если бы Робертино даже смог ответить на все ваши письма, то ему не хватит его скромных сбережений, чтобы заплатить за марки, которые требуется наклеить на письма, идущие в «далекую Россию».

— Эти письма — ответ на ваш вопрос, — улыбаясь, говорит Робертино, — знаю ли я о своей популярности в Советском Союзе. Да, я знаю об этом и каждый день получаю новые подтверждения этого.

Как я начал петь? Это случилось очень рано, лет десять тому назад, когда мне было семь лет. В тринадцать лет я начал учиться пению в школе Тито Скипа, где я продолжаю брать уроки до сих пор. Какое имею общее образование? Окончил неполную среднюю школу: очень рано надо было думать о помощи семье.

Теперь положение наше поправилось, но я уже избрал свой путь — буду эстрадным певцом. Консерватория? Консерватория готовит оперных певцов, а опера сейчас не в моде...

Да, опера сейчас в упадке, — горячо стал доказывать Робертино, когда кто-то из нас попытался ему возразить. — Сейчас все эстрады, а не оперы. Спросите хотя бы людей на улице, что они предпочитают — оперу или эстраду: из десяти человек только один объявит себя почитателем классики...

Мы не стали спорить: у каждого свой жанр, свой вкус.

Робертино вспоминает о своем первом успехе три-четыре года назад, когда он вышел победителем на детских конкурсах, организованных прогрессивными итальянскими изданиями «Паэзе сера», «Вие нуове».

— Но это ничего не изменило в моей жизни, — говорит Робертино. — Я по-прежнему продолжал петь в барах, пока не встретился с датчанином Вольмером Соренсеном, который стал моим импрессарио.

Но и после этого в Италии я не получил никаких приглашений выступить. Один только раз мне предложили исполнить несколько номеров по итальянскому радио в рекламной передаче одной фирмы, но мой импрессарио не позволил принять это предложение.

Планы на будущее? — Робертино задумывается. — Кто знает... До 1967 года действует контракт с Соренсеном, который имеет монопольное право на производство пластинок в моем исполнении, на организацию заграничных турне. Думаю со временем принять участие в конкурсе итальянских певцов в Сан-Ремо. 23 ноября этого года Вольмер Соренсен организует мою конкурсную поездку в Соединенные Штаты, где я раньше никогда не бывал. Это будут мои первые концерты после года вынужденного молчания, когда у меня ломался голос. С марта этого года мне снова разрешили петь.

Поездка в Советский Союз? Это, как я уже сказал, до 1967 года целиком зависит от воли моего импрессарио.

...Мы возвращались в центр Рима после беседы с Лоретти как раз в час пик, когда машины передвигаются по Вечному городу со скоростью черепашого шага. От нечего делать включили радио. Зазвучали песни в исполнении одной модной итальянской певицы — «крикуньи». Искусство ее состоит в том, что обычные песни певица исполняет так, словно ее в это время кусает десяток ос или пчел и она, не прерывая пения, тут же визжит от боли и раздражения. Не очень эстетично, но зато страшно оригинально. И, главное, модно с точки зрения членов жюри конкурса в Сан-Ремо, которые дают этим «крикунам» и «крикуньям» зеленый свет на итальянскую эстраду. Может ли в таких условиях Лоретти занять место под юпитерами эстрады? Ведь для этого нужно либо обладать способностью выкинуть некий невиданный доселе трюк, вроде того, чтобы исполнить несколько номеров, стоя на голове, либо показать, что он действительно наделен совершенно редким талантом и способен потрясти законодателей моды в Сан-Ремо. Способен ли на это 17-летний Робертино Лоретти, потерявший с возрастом единственное, что ему до сих пор обеспечивало успех, да и то только за границей, — детскую непосредственность в исполнении и свежесть чувств? Поживем — увидим.

Ю. ГЛУШАКОВА.

Рим.

31 АПР 1963

МОСКВА